

Спор о Вебере: культурсоциология, неолиберализм и теория господства

Эдвард Ожиганов

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра управления отраслями промышленности Российского университета дружбы народов
Адрес: ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, Российская Федерация 117198
E-mail: imitation2025@gmail.com

В статье анализируются наиболее существенные свойства спора о Вебере, вызванного попытками «реконструкции» веберовского наследия в культурсоциологических и неолиберальных «парадигмах». Показывается, что веберовская теория господства вызывает имплицитное напряжение, ставящее под вопрос канонизацию Вебера в качестве «классика» институционализированной социологии. Культурсоциологической «реконструкции» веберовского наследия свойственно схоластическое метатеоретизирование на основе понятийных универсалий, что в корне противоречит основным положениям понимающей социологии Вебера как в предметном, так и в методологическом плане. «Парадигма» неолиберальной утопии разделилась на две позиции: первая игнорирует понимающую социологию Вебера в качестве научной дисциплины, вторая характеризуется попытками «дистиллировать» его наследие для нужд т. н. новой экономической социологии.

Ключевые слова: Макс Вебер, понимающая социология, закон инвариантности господства, вебероведение, неолиберализм, культурсоциология, утопия

Несмотря на фактическую канонизацию Макса Вебера и завершение к столетней годовщине со дня его смерти фундаментального проекта издания полного собрания его сочинений, речей, писем и лекций, он по-прежнему остается оспариваемой фигурой как в социологии, так и в «смежных» с ней общественных науках (культурологии, истории, экономике, философии, политической науке). К тому же, отмечает Д. Кеслер, «в дополнение к противостоянию между дисциплинами по поводу „правильного“ использования работ и методов Вебера спор возник внутри и между различными национальными социологическими толковательными сообществами (*Interpretationsgemeinschaften*). Эта зачастую страстная борьба была и остается в основном вопросом о том, в чьих руках „лучше всего“ управляется наследие Вебера» (Kaesler, 2019).

Сама «стратегия» этой борьбы проста и тривиальна: практически вся «реконструкция» теоретического наследия Макса Вебера основывается на попытках обнаружения «центрального интереса», который, как предполагается, пронизывает его работы и с позиций которого они должны рассматриваться («хрестоматийный» случай — «универсальный процесс рационализации», как он представлен В. Шлюхтером (Schluchter, 1979)). Если *a priori* принимается, что такой «центральный

ный интерес» существует, то затем утверждается, что начинать исследование обширных, но фрагментированных и часто незавершенных текстов Вебера следует с гипотез о том, каков был его замысел. Однако, как справедливо указывал Вильгельм Хеннис, правдоподобность всего мероприятия вызывает обоснованное сомнение, поскольку оно зависит от введения внешних по отношению к веберовскому наследию гипотез и манипуляции отрывками из его текстов в качестве доказательной поддержки этих гипотез (Hennis, 1983: 135).

«Тактика» подобных реконструкций может быть различной, однако ее общая и наиболее уязвимая сторона проявляется в интеллектуальной амбивалентности толковательных сообществ относительно программного эссе Макса Вебера «О некоторых категориях понимающей социологии», которое занимает ключевое положение в его понимающей (интерпретативной) социологии как в предметном, так и в методологическом плане. Если в западном вебероведении эта злополучная «тактика» стала общим местом (достаточно вспомнить такие имена, как Ф. Тенбрук, В. Шлюхтер или Ф. Рингер), то российская «вебериана» последовала за ней без видимых колебаний — в качестве примера можно привести культурсоциологическую (Гайденок, Давыдов, 1999), «синтетическую» (Катаев, 2016) и марксистскую (Рахманов, 2012) версии.

Основания этой амбивалентности по всем признакам были заложены влиятельным членом толковательного сообщества В. Шлюхтером, в свое время радикально сменившим оценку решающего методологического и концептуального значения веберовского эссе для всего первоначального (довоенного) варианта «Хозяйства и общества». Сегодня интеллектуальная амбивалентность диагностируется в двух формах: первая характеризуется отсутствием в работах по анализу методологии Вебера даже косвенных ссылок на эссе «О некоторых категориях понимающей социологии» (Тенбрук, 2013: 93–120; Шлюхтер, 2004: 22–50; Dermap, 2012; Ringer, 1997; Давыдов, 1998), во второй «реконструкция» веберовской «исследовательской программы» идет по «касательной», никак не затрагивая его логику (Alexander, 1983: 125; Weiß, 2014: 231–232; Катаев, 2015б: 44–79).

Причина здесь в том, что любым культурсоциологическим и философско-историческим аллюзиям по поводу наследия Макса Вебера — реконструкции, переинтерпретации, формированию аутентичного образа и проч. мешает ключевое положение, которое занимает обозначенное эссе в его понимающей социологии как в предметном, так и в методологическом плане. Эссе «О некоторых категориях понимающей социологии» является первым и самостоятельным произведением Вебера, содержащим систематическое изложение его социологии и обоснование перехода на позиции разрабатываемой им новой науки. Йоханнес Винкельманн, исследователь и редактор работ Вебера, называл это эссе «первым изложением смысла и логической структуры понимающей социологии Макса Вебера». По его определению, «этот методологический и классификационный вклад в концепции социологии содержит в нюансах весь фокус его социологических исследований, демонстрируя основы этого подхода» (Winckelmann, 1975: 524).

Вектор изменений методологических установок Вебера был направлен от раннего «эволюционизма» к понимающей социологии. Эрнст Трёльч отмечал полный отказ Вебера «от признания какого бы то ни было вида диалектического и органического понятия развития. Он видит в нем не что иное, как романтику и псевдоэманационную логику. Именно в силу этого он также сознательно отказывается от всякой универсальной истории и ставит на ее место сравнительную социологию, которая уже в самом приеме сравнения уничтожает с корнем всякий намек на универсально-исторически-телеологические тенденции» (Трёльч, 1994: 301).

До публикации в 1913 году эссе «О некоторых категориях понимающей социологии» в междисциплинарном журнале «Логос» он выступал преимущественно как представитель немецкой политэкономии (*Nationalökonomie*) и методологии общественных наук (*Sozialwissenschaft*), но в этой работе он не только разграничивает область понимающей социологии с другими дисциплинами и показывает ее предметную сферу, но также излагает ее методологию и формулирует основные понятия.

Культурсоциологическая «реконструкция» Вебера

Если сам Вебер блокировал любые поводы для причисления своих научных взглядов к чему-либо, напоминающему «философию истории» или «философию культуры», которые он третирует как «метафизику» и «романтику», то как вообще возможна культурсоциологическая «реконструкция» веберовского наследия?

Как поясняет один из адептов этого направления на российской почве,

дискуссия смещается к экспликации веберовской методологии и эпистемологии, выступающих «местом сборки» разнотематических разработок Вебера. Впоследствии, по мере схождения данных направлений анализа в «точке» культуры, неовеберовские исследователи обращаются к праксеологическим проблемам, выявляя *скрытый антропологический фон* [выделено мною. — Э.О.] веберовской мысли. Наиболее целостные версии такого прочтения Вебера предложены В. Хеннисом, В. Шлюхтером и Ф. Тенбруком. (Комаровский, 2015: 12)

В российском вебероведении возможность такого перепрочтения веберовского наследия отстаивал Ю. Н. Давыдов (Давыдов, 1998: 87–88), создавший культурсоциологическое направление, к которому сегодня принадлежит большинство авторов, занятых поисками веберовской «исследовательской программы», или, что то же самое, «веберовской парадигмы». Д. В. Катаев пишет, что «главную задачу веберовства, соответственно, нео- и поствеберовства два выдающихся исследователя творчества Макса Вебера Вольфганг Шлюхтер и Юрий Николаевич Давыдов формулируют как актуализацию его наследия при сохранении аутентичности и целостности работ классика. Это, однако, не означает слепого следования веберовским решениям, но требует сохранения самой постановки проблемы как

в методологическом, так и в категориально-понятийном аспектах, сами же решения могут быть иными» (Катаев, 2015а: 162).

В качестве *modus operandi* адепты этого направления используют схоластическое метатеоретизирование, где любая теоретическая деятельность оценивается с точки зрения предпосланных ей культурсоциологических философем.

Характеризуя трактаты такого вида, Д. Тернер пишет, что они «втягивают теорию в старые и неразрешимые философские споры: идеализм против материализма, индукция против дедукции, субъективизм против объективизма и т. п. Что делает эти трактаты «мета» (т. е., как говорит словарь, «приходящими после» или «следующими за»), так это то, что названные философские темы поднимаются в контексте очередных пересмотров наследия «великих теоретиков» (излюбленными фигурами оказываются здесь Карл Маркс, Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм). Хотя эти трактаты всегда учены, переполнены длинными примечаниями и подходящими цитатами, у меня остается впечатление, что они часто подменяют настоящую теоретическую деятельность. Они вовлекают теорию в круг неразрешимых философских проблем и легко превращаются в схоластические трактаты, теряющие из виду цель всякой теории: объяснить, как работает социальный мир. Поэтому метатеоретизирование бывает интересной философией и временами захватывающей историей идей, но это не теория» (Тернер, 2002: 202–203).

Поскольку у Вебера отсутствуют термины «социология культуры» или «культурсоциология», и он в своих рукописях не оставил какого-либо «проекта культурсоциологии», «схема» освоения веберовского наследия делает ставку на выдвижение разнообразных «эпистемологических» концепций.

Как полагает А. В. Комаровский,

такая схема читает Вебера сквозь призму накопленной истории (культур) социологического знания, что дает возможность «открыть» культурсоциологию за видимостью ее буквального отсутствия в работах Вебера [выделено мною. — Э.О.]. Таким образом, мы эксплицируем веберовскую социологию как культурсоциологию с учетом достижений внутри культурсоциологических дискурсов немецкого неовеберизма (и шире — с учетом «культурологизации» гуманитарных дискурсов в целом). (Комаровский, 2012: 397)

Сама возможность открытия культурсоциологии в работах Вебера «за видимостью ее буквального отсутствия» обременяется двумя обстоятельствами: отсутствием в современной социологической теории какой-либо признанной эпистемологии и единого понимания того, что включает в себя понятие «культура». Признается, что «положение культуры в социальной теории противоречиво: с одной стороны, нет ничего более распространенного, общепринятого и интуитивно понятного, чем идея культуры... С другой стороны, едва ли найдется понятие столь же неопределенное, размытое и проблематичное» (Шариков, 2019: 180).

«Реконструкция» на основе схоластического метатеоретизирования обладает характерной избирательностью, с помощью которой методология понимающей

социологии произвольно отделяется от основного корпуса работ Вебера, представляемого как множество фрагментарных и методологически не связанных между собой предметных частей. Не обошлось без метатеоретизирования и в академическом «Полном собрании сочинений Макса Вебера», где редактор тома I/22 историк Вольфганг Моммзен «реконструировал» т. н. «старший вариант» веберовского «Хозяйства и общества» в угоду своим представлениям о происхождении и правильном расположении текстов Вебера и толковании их социологического содержания (Weber, 2001: VII–XXIII). Результатами такой редакторской «стратегии» стали изъятие «Категорий понимающей социологии» как единого концептуального введения к «Хозяйству и обществу» и дезинтеграция его текста на пять фрагментов, расположенных в отдельных под-томах и не связанных между собой какой-либо методологической линией.

«Эксплицированная» версия веберовских «Основных социологических понятий» Шлюхтера (Шлюхтер, 2004: 22–50) показательна тем, как он использует «тактику» реконструкции, о которой нами говорилось выше. Не следует удивляться, что сама тема «господства» и даже упоминание о ней исчезают из «реконструированной» Шлюхтером веберовской «парадигмы»¹ (Там же: 22).

Инвариантность господства

Не прибегая в настоящей статье к анализу дискуссии вебероведов о структурном оформлении текстов Макса Вебера, мы разделяем позицию Х. Орихара, предлагающего «рассматривать «Категории» как компактный компендиум, в котором собраны и положительно переформулированы все результаты интенсивного методологического мышления Вебера... для того, чтобы с этого времени развивать далее его понимающую социологию» (Orihara, 2008: 144).

Программное эссе «О некоторых категориях понимающей социологии» содержит исходные «направляющие» для всех тематических разделов как начальной (1910–1914 гг.), так и для частично переработанной версии (1918–1920 гг.) «Хозяйства и общества». Подписанный Вебером к публикации текст первой главы «Хозяйства и общества» — «Основные социологические понятия», представляет собой переработку и дополнение эссе «О некоторых категориях понимающей социологии» в контексте предполагавшегося издания его *magnit opus*. Сам Вебер отмечал, что «по сравнению с эссе в IV выпуске «Logos» терминология была по возможности упрощена и несколько раз изменялась, чтобы быть как можно более понятной. Разумеется, необходимость безусловной популяризации не всегда была бы совместима с необходимостью предельной ясности этой терминологии и должна при необходимости ей уступать» (Weber, 1922: 1)². Иначе говоря, некоторые изменения в терминологии были той ценой, которую Веберу пришлось платить за

1. Мы берем термин «парадигма» в кавычки ввиду того, что в современном западном и российском «вебероведении» он имеет размытый, неопределенный и многозначный характер.

2. См. также существующий русский перевод: Вебер, 2016: 67.

выполнение требований популяризации, притом что потенциально такие требования могли нанести ущерб категориальной ясности.

Концептуальную схему, которую так долго ищут и не могут найти культурсоциологи, Вебер со всей ясностью представил в своем программном эссе и применил ее как в первом, так и во втором вариантах «Хозяйства и общества», определяя последовательность ступеней или шкалу переходов рационализации социальных действий и порядка: «В истории мы обнаруживаем шкалу, ступени которой ведут от объединения в общество по случаю вплоть до устойчивого образования» (Вебер, 1990: 520).

В терминологии Вебера, это четыре ступени, «переход между которыми в социологическом отношении очень мобилен»: 1) общество по случаю, 2) общественное объединение по согласию, 3) целевой союз, 4) институт (Вебер, 1990: 509–545).

Что же практически означает «рационализация ассоциаций и порядка», если следовать концептуальной схеме Вебера? В чем и как выражается «эмпирический смысл установленного порядка»? По мнению Вебера, подлинные проблемы социологической теории, изучающей целевые союзы и институты, вытекают из того факта, что основой всех видов «социальных действий» в их рамках является «господство». Вебер подчеркивает:

Все без исключения области действия общности демонстрируют самое глубокое влияние структур господства. В подавляющем большинстве случаев именно господство и способ его реализации есть то, что рождает из аморфного действия общности рациональное обобществление, если же этого не происходит, все равно именно структура господства и ее развертывание формируют действие общности, однозначно определяя его ориентацию на некую цель. Особенно существенную роль факт господства играет в наиболее важных с экономической точки зрения структурах прошлого и настоящего. (Вебер, 2019: 17)

Закон инвариантности господства с предельной ясностью выражен в завершающей части его социологического манифеста:

Рациональные порядки обобществления, будь то институт или ассоциация, навязываются или «внушаются» одними людьми в своих определенных целях, которые могут сильно отличаться друг от друга. Другие, «органы» порядков обобществления — совсем не обязательно зная что-либо о целях их создания — субъективно более или менее однозначно толкуют и активно исполняют их. Третьи, которым рациональные порядки известны в той мере, в какой это совершенно необходимо для их частных целей, субъективно, в различной степени приближения, знают о принятых установлениях, используя их в качестве средства ориентации своих (легальных или нелегальных) действий, поскольку у них есть определенные ожидания относительно поведения других («органов», а также членов института или союза). Но четвертые, и это есть «масса», усваивают определенное «традиционное» — как мы говорим — поведение в каком-либо приближении к усредненно понято-

му смыслу и следуют ему в основном без какого-либо знания о цели и смысле, даже о самом существовании данных порядков. (Weber, 1913: 293)³

Говоря о законе инвариантности господства и его действия, мы везде и всегда имеем в виду понятие закона, сформулированного самим Максом Вебером:

Законы, как обычно называют некоторые положения понимающей социологии, представляют собой подтвержденные наблюдениями типичные вероятности определенного хода социального действия, ожидаемого при наличии тех или иных фактов и понимаемого на основе типичных мотивов и типичного смысла, из которого исходят действующие. Эти законы в высшей степени понятны и однозначны, если в основе типичного наблюдаемого поведения (или методически сконструированного типа такого поведения) лежат чисто целерациональные мотивы и имеется согласно опыту однозначное соотношение между средствами и целью (при «неизбежном» характере средств). (Вебер, 2016: 79)

Согласно формулировке Вебера, каузальное объяснение в социологии

означает констатацию того, что с *вероятностью*, которую можно как-то оценить или иногда (в редком идеальном случае) выразить количественно, за определенным наблюдаемым (внутренним или внешним) процессом следует (или выступает вместе с ним) определенный другой процесс, а последовательность процессов будет считаться «каузально адекватной» в той степени, в какой, согласно данным опыта, существует вероятность того, что она постоянно будет протекать таким же образом. (Вебер, 2016: 74)

Инвариантность господства — фундаментальный закон общества (в понимании Макса Вебера), поскольку до сегодняшнего дня неизвестно ни одного общества или общественного процесса, где он бы нарушался. Говоря языком термодинамики, если какой-либо социальный процесс был им запрещен, то можно с уверенностью прогнозировать, что этот процесс никогда не произойдет.

Закон инвариантности господства в качестве контрапункта концептуальной схемы понимающей социологии Вебера реализован в его сравнительно-исторических исследованиях экономики, политики, религии, города, государства, права в том виде, в котором они представлены в обоих вариантах «Хозяйства и общества».

К примеру, ключевые категории «целевого союза» и «института» применительно к области религии разворачиваются в следующих определениях: «*Иерократическим* союзом называется союз господства, если и поскольку существование его порядков обеспечивается психическим насилием путем предоставления или отказа в предоставлении священных благ (иерократическое насилие). *Церковью* называется *непрерывно действующее* иерократическое учреждение, если и поскольку

3. См. также существующий русский перевод: Вебер, 1990: 544.

его управленческий штаб располагает монополией легитимного иерократического насилия» (Вебер, 2016: 110).

Последовательность ступеней или шкала переходов рационализации социальных действий и порядка в этой области так характеризуется Вебером:

Для понятия иерократического союза важен не вид выставляемых на обозрение священных благ (посюсторонних или потусторонних, внешних или внутренних), а тот факт, что их раздача составляет основу духовного господства над людьми. Напротив, для понятия «церковь» согласно обычному (и целесообразному) словоупотреблению характерны — с точки зрения порядков и штаба управления — внешне выраженный (относительно) рациональный характер учреждения, постоянный характер предприятия и претензия на монополию господства. (Вебер, 2016: 112)

Из современных социологов наиболее последовательные выводы относительно значения закона инвариантности господства для социологии были сделаны Р. Дарендорфом. По его мнению,

система понятий, соотносящихся с социальным действием, в лучшем случае способствует выработке языка, с помощью которого можно было бы описать основополагающий опыт общества как факта; система соотносительных понятий «норма, санкция, господство» надстраивается над этим фундаментальным опытом и представляет собой попытку выработки языка, пригодного для объяснения конкретных проблем анализа, сумма которых образует предмет социологии. <...> Было бы напрасно спорить о ранговой упорядоченности этих трех основных понятий, как бы там ни было, их выведение означает конкретную, и потому вызывающую критические сомнения, теорию общества; и все-таки я склонен к тому, чтобы приписать категории господства первенство среди трех и тем самым *понимать всю социологию как анализ структур, основанных на господстве* [выделено мною. — Э.О.]. (Дарендорф, 2002: 81–82)

Относительно методологических и политических последствий тезиса об инвариантности господства Ральф Дарендорф отмечал, что он ведет к пониманию бессмысленности всех утопических грез, поскольку одним из «центральных конструктивных элементов» всех известных нам утопий является отрицание господства в представляемых ими обществах (Там же: 430). Поэтому «никакая утопия не избежит политического анализа: общество без господства как будто бы превосходит возможности фантазии» (Там же: 452).

Неолиберальная рецепция Вебера

Инвариантность господства ставит под вопрос социальные, экономические и политические догмы неолиберальной утопии, тиражированные в бесчисленных научных трудах, документах «фабрик мысли» и университетских учебниках. Как

совокупность идей неолиберализм неоднороден, и хотя среди его виднейших экспонентов имеются существенные разногласия в отношении онтологических и нормативных принципов, можно определить основные положения неолиберальной доктрины, для которых веберовская концепция господства представляет опасность.

Прежде всего это неолиберальное видение методологического индивидуализма, наделяющего индивида такими константными поведенческими установками, как личная выгода, рациональность выбора и максимизация полезности. Такого рода установки реализуются на конкурентных рынках, под которыми понимаются сферы добровольного обмена, свободные от внешних препятствий и ограничений, таких как государства и профсоюзы. Защита свободы личности, представляемая как гарантия от принуждения в отношении этих константных поведенческих установок, является конечной целью неолиберальных политических режимов.

При всем при том неолиберальная утопия является доктриной «двойной истины» — одна для демократической общественности, и в более широком плане, для народных масс, когда неолиберализм представляется в виде правоверного наследника экономических и политических идей классического либерализма, другая — для национальных и международных корпоративных элит, которые обеспечивают реальное обоснование идеологического формата неолиберализма как политического режима, а также его экономическую основу (см.: Mirowski, 2009: 417–446).

Эта двойственность создает очевидные проблемы для анализа и оценки как доктринальной, так и практической стороны неолиберализма, особенно в части корреляции между ними, основательно маскируя то, что происходит на самом деле. Как подчеркивают американские социологи Н. Бреннер и Н. Теодор, «хотя неолиберализм стремится создать „утопию“ свободных рынков, освобожденных от всех форм государственного вмешательства, на практике он привел к резкому усилению принудительных, дисциплинарных форм государственного вмешательства с целью их навязывания всем аспектам общественной жизни» (Brenner, Theodore, 2002: 352).

Российская культурсоциология восприняла «первую истину» неолиберализма практически бесспорно, в корне неправильно поняв саму его природу, в то время как «вторая истина» в ее дискурсах отсутствует. Некоторые ее представители хотели бы избавиться от опасной для неолиберальной утопии темы инвариантности господства, как это делают, например, В. В. Козловский и другие: «В постмодернистских обществах невозможно выделить четкую структуру господства. С этой точки зрения веберовская социология господства устарела» (Козловский, 2004: 7). Если это действительно так, то реакция достаточно предсказуема — «может ли Вебер с точки зрения теории что-то дать нам для социологического исследования? И что тогда представляет собой „веберовская парадигма в социологии“?» (Там же: 7). Рассеять это неведение достаточно легко — следует открыть текст эссе «О некоторых категориях понимающей социологии» в журнале «Логос» на странице номер 293, где формулируется закон инвариантности господства, вы-

ражающий суть веберовской «парадигмы» в социологии (термин «парадигма», как известно, происходит от греческого *paradeigma* — «модель») (Weber, 1913: 293–294).

Начало подобному неведению было положено вульгаризацией веберовской социологии европейскими представителями либеральной мысли. Людвиг фон Мизес стал автором той странной оценки, что «хотя Вебер был, безусловно, профессором экономики в двух университетах и профессором социологии в двух других, тем не менее он не был ни экономистом, ни социологом, но историком. Он считал социологию своего рода обобщенной историей» (Mises, 2003: 79). Избегание фон Мизесом центральных тем веберовской понимающей социологии, прежде всего — темы господства, имело защитный характер: поразительно, что в таких работах фон Мизеса, как «Социализм: экономический и социологический анализ» (Mises, 1962) и «Бюрократия» (Mises, 1944), нет даже косвенных упоминаний о соответствующих концепциях Макса Вебера⁴.

Несообразная оценка фон Мизесом Вебера как историка-эпистемолога, который «не осознавал, что существует наука, нацеленная на универсально обоснованные положения» (Mises, 2003: 115), и поэтому не мог внести существенный вклад в экономику или социологию, заняла прочное положение в сознании и трудах «неолибералов».

Дальнейшей контрверзой здесь послужило понимание «порядка». К примеру, Фридрих фон Хайек утверждал, что

веберовское обсуждение отношения между правовым и экономическим порядком для научных целей совершенно бесполезно и скорее характеризует широко распространившуюся путаницу. Для Вебера «порядок» — это то, что является «действительным» или «обязательным», что должно быть приведено в исполнение или включено в принцип закона. Другими словами, порядок существует для него только как организация, а существование спонтанного порядка никогда не было для него проблемой. Как и большинство позитивистов или социалистов, он мыслит в этом отношении антропоморфно и понимает порядок только как *taxis*, но не как *kosmos*, и тем самым блокирует для себя доступ к подлинным теоретическим проблемам науки об обществе. (Hayek, 1998: 170)

Неудивительно, что мнение фон Хайека о якобы упрощенном веберовском понимании «порядка» известный немецкий исследователь Андреас Антер назвал «абсурдным» (Anter, 2004: 91).

Вульгаризация Вебера европейскими ордолибералами — Вальтером Ойкеном, Вильгельмом Рёпке, Александром Рюстовым и др. стала результатом все той же избирательности, благодаря которой анализ ключевых концепций понимающей социологии Вебера оставался в их работах крайне поверхностным и бессистемным, в то время как полемика по поводу «использования» веберовского насле-

4. См. русские переводы: Мизес, 2006, 2016.

для ограничивалась преимущественно вопросами эпистемологии и методологии исторической науки.

Отчасти это было вызвано тем, что теоретики неолиберализма столкнулись с проблемой реализации ключевых положений своей политической теории. Как резюмирует Томас Бибрихер,

политика неолиберальных реформ оказалась чревата пробелами и напряженностью, будь то надежды ордолибералов Рёпке и Ойкена на доброжелательных опекунов, защита переходных диктатур Рюстовым и Хайеком, или приверженность Хайека эволюционной мысли, которая оставляет его собственную повестку целенаправленных реформ с сомнительным статусом. Подход Бьюкенена является здесь показательным примером. Исходя из своих собственных предположений, он не может объяснить, как неолиберальные реформы, к которым он стремится, когда-либо будут реализованы. В результате ему приходится прибегать к надежде на прозелитизм и революцию: короче говоря, к эсхатологической политике экстраординарного. (Biebricher, 2018: 154)

Показное игнорирование Макса Вебера в трудах неолиберальных экономистов дополнилось попытками «дистиллировать» его наследие для нужд т. н. новой экономической социологии. Наиболее известным представителем этого направления является Ричард Сведберг, который полагает, что «необходимо перенести на экономическую социологию ключевые идеи и понятия понимающей социологии Вебера», форматируя «тип веберовской понимающей социологии» в процессе конкретных исследований (Swedberg, 2007: 1035). Критика Сведбергом историко-культурного «мейнстрима» в веберовском «толковательном сообществе» как повод для поворота к Веберу неубедительна, поскольку «дистиллированная» версия Сведберга использует ту же «тактику» реконструкции, что и его оппоненты. Хотя Сведберг обращается к анализу методологического содержания статьи «О некоторых категориях понимающей социологии» и первой главы «Хозяйства и общества», тематика порядка и господства самым курьезным образом не замечается.

В этой связи весьма симптоматичным является объяснение Сведберга, почему теория идеального типа не используется в эмпирических исследованиях. Как пишет Сведберг,

одной из причин этого является то, что Вебер не очень четко определил, что подразумевается под идеальным типом. Другая причина состоит в том, что исследователи его работ были не очень заинтересованы представить методологию идеального типа таким образом, чтобы ее можно было использовать в эмпирических исследованиях. Вместо этого она была окружена атмосферой проблем и нерешенных теоретических вопросов, что сбило с толку рядового социолога и сделало его неспособным применить идеальный тип в своих исследованиях. (Swedberg, 2018: 181)

С тех пор, как Удо Кукартц попытался ответить на этот же вопрос, прошло почти 30 лет, но ситуация принципиально не изменилась (Kuckartz, 1991: 51–52). У. Кукартц и Р. Сведберг, озаботившиеся ревизией методологической составляющей социологии Вебера, предложили «модернизировать» веберовскую теорию идеальных типов с помощью феноменологических подходов, демонстрируя при этом полное забвение теории идеального типа, как ее изложил сам Вебер в эссе «О некоторых категориях понимающей социологии». Тем самым была игнорирована связь между методологическим подходом и предметом веберовской понимающей социологии.

Согласно Веберу, «конкретно-исторические или типично социологические предпосылки могут быть открыты — по крайней мере, в той степени, в какой степень идентичности, отклонения или противоречия эмпирического процесса по сравнению с правильным типом становится понятной, а тем самым и объяснимой посредством категории „адекватной смыслу причинной обусловленности“» (Вебер, 1990: 501). Например, такими рациональными идеальными типами Вебер однозначно считал целевой союз и институт как структуры господства (Вебер, 1990: 515).

Если эти ключевые положения теории идеальных типов по каким-то не эксплицированным причинам полностью выпали из поля зрения «ревизионистов», о каком «практическом руководстве по созданию и использованию идеального типа» для эмпирических социологов (Swedberg, 2018: 182) может идти речь?

Возможно, одной из причин, почему социология, выйдя из тупика структурного функционализма, ступала перед методологическим вызовом экономической теории «рационального выбора», является амбивалентное отношение к методологии веберовской понимающей социологии.

И. Селеньи усматривает в этом одну из причин «тройного кризиса» современной социологии в США:

Во-первых, социология потеряла свою политическую привлекательность (и радикальную миссию). Во-вторых, она так и не нашла адекватного способа ответить на методологический вызов экономической или политической теории рационального выбора. И в-третьих, социология никак не может определиться с ответом на вопрос о том, должно ли у нее быть единое теоретическое ядро («великие труды», с которыми должен быть знаком каждый социолог) или она в таком ядре не нуждается. (Селеньи, 2015)

В качестве выхода он предлагает вернуться к традициям классической социологии, в которой понимающая социология Вебера занимает одно из центральных мест. По его мнению, в анализе социального действия «понижающая социология ушла далеко вперед от экономики рационального выбора (и политических наук), и социологи делают ошибку, пытаясь здесь подражать более „научным“ коллегам-экономистам или политологам» (там же: 7). Однако по прошествии пяти лет со дня публикации этого призыва в журнале «Глобальный диалог» Международной

социологической ассоциации социология в качестве научной дисциплины по-прежнему находится, используя выражение Селеньи, на грани хаоса.

Призыв либералов к возврату социологии к классической традиции предполагает частичную реабилитацию веберовской теории господства, но только в целях теоретического обоснования парадигмы «либеральной» трансформации «тоталитарных режимов» в различных регионах мира.

Как толкует этот процесс Селеньи,

переход от коммунизма направлялся принципами легально-рациональной власти, тем, что я называю либерализмом и демократией, мажоритарным отбором лидеров, *Wille der Beherrschten*. Однако, учитывая проблемы, связанные с быстрыми темпами перехода, особенно с переходом государственной собственности к частному капиталу, либеральная демократия не была закреплена в большинстве этих стран или в любой другой стране. Все эти страны — или большинство из них — беременны дозой патримониализма, пребендализма и нелиберализма. (Szelenyi, 2016: 23)

Однако ссылки на известную типологию господства Макса Вебера (принципы легально-рациональной власти и мажоритарный отбор лидеров) не освобождают от анализа политической теории Вебера, которая далеко отстоит от либеральной теории демократии с ее основными принципами «воли народа» и «ответственности».

От Хинтце (Hintze, 1926: 135–147) до Броеера (Breuer, 2011) существует столь же обширный, сколь и противоречивый круг научной литературы, посвященной исследованиям политических взглядов и концепций Вебера. Д. Битэм видит в ней две контрастные позиции: в рамках первой Вебер предстает,

можно сказать, либералом без либеральных ценностей, защитником либеральных институтов без либерализма. И как таковой он способствовал упадку либерализма как политической практики, которая сначала была ослаблена изнутри, прежде чем стала разрушаться извне... Вторая позиция, напротив, рассматривает Вебера не столько как проблему либерализма, сколько как проницательного аналитика проблем либерализма в эпоху, когда социальные условия, необходимые для реализации классических либеральных ценностей, были последовательно подорваны, а сам либерализм остро нуждался в пересмотре. (Beetham, 1999: 312)

Макс Вебер был одним из тех социологов, кто способствовал радикальной переоценке ценностей буржуазной демократии в эпоху империализма (см. об этом: Ожиганов, 2020: 108–124). Трансформация демократии и капитализма, два глобальных процесса, имеют свою динамику, определяемую законом инвариантности господства. Вебер нисколько не сомневался, что в современной демократии политику вершат только небольшие группы людей, которые руководствуются различными мировоззренческими, либо материальными интересами. По его мнению,

добровольное подчинение масс вождям, а на парламентском уровне — рядовых депутатов небольшим группам лидеров, является необходимым условием демократического правления. Он считал бесполезным, или даже нелепым, отрицать или сожалеть об этом явлении, которое является очевидным фактом политической жизни современных демократий. Как говорил Вебер, «политическими действиями всегда правит „принцип малого числа“, т. е. превосходящая политическая маневренность небольших господствующих групп. Это цезаристское воздействие неискоренимо (в массовых демократиях)» (Weber, 1921: 167)⁵.

Заключение

Визитной карточкой культурсоциологической «реконструкции» веберовского наследия является избирательная интерпретация, где социология Вебера оценивается с точки зрения предпосланных культурсоциологических догм. Как пишет Дэвид Инглис, один из редакторов «Хрестоматии SAGE по культурсоциологии», речь идет о «выборочной интерпретации того, что все еще полезно и живет в наследии Вебера, как это определяется интересами и потребностями культурсоциологов в настоящее время» (Inglis, 2016: 27).

Нет ничего необычного в том, что все эти «интересы и потребности» имплицировались в разнородном спектре теорий, методов и эмпирических объектов, между которыми нет очевидного теоретического или методологического соответствия. Тем не менее общей характеристикой работ, идентифицируемых в качестве культурсоциологических, является почти полное отсутствие исследовательского интереса к проблемам власти и господства. Именно под этим углом зрения подвергается критике т. н. сильная программа культурсоциологии Д. Александера:

Александр предвидит некоторые из этих проблем, внедряя идеи оценки и контроля над средствами символического производства в культурсоциологию, но они используются недостаточно или оставляют без внимания способы реализации отношений власти и механизмов господства в современном обществе. Утверждать, что такие отношения и механизмы функционируют символически, — это не то же самое, что уделять им адекватное аналитическое внимание. (Kurasawa, 2004: 57)

Почти двадцать лет обещаний «сильной программы» «закрепить причинно-следственную связь между непосредственно действующими лицами и агентствами, подробно определяя, как культура вмешивается и направляет то, что действительно происходит» (Alexander, Smith, 2006: 138)⁶, не прояснили, как должна выглядеть аналитическая и исследовательская повестка дня культурсоциологии в отношении структур власти и господства и каковы реалистичные условия ее реализации. Д. Инглис высказывает надежду, что помочь культурсоциологии в этой

5. См. также существующий русский перевод: Вебер, 2003: 166.

6. См. также существующий русский перевод: Александер, Смит, 2010.

ситуации может обращение к Веберу, поскольку последний «предлагает способы анализа систематической связи процессов создания смысла с явлениями социальной власти и господства, избегая таким образом любых тенденций к незаконному идеализму в культурсоциологическом подходе к анализу динамики значения в социальной жизни» (Inglis, 2016: 27). Однако приемы культурсоциологической «выборочной интерпретации» веберовской теории господства, игнорирующие ее ключевые положения, как представляется, исключают саму возможность такого сближения.

Не останавливаясь на нескончаемых спорах о соотношении политической теории и политической практики неолиберализма, отметим динамику его эволюции в направлении глобальной централизованной сети идеологических и корпоративных институтов. Дамьен Кехилл, используя термин «актуальный неолиберализм», показывает, что, в отличие от неолиберальной презентации, его «лучше всего понимать как эволюционирующий, встроенный в общество режим политики, возникший в конце двадцатого века» (Cahill, 2014: viii). Известный франко-американский социолог Лоик Вакан определяет неолиберализм как «политический, а не экономический проект, практикующий либерализм на вершине классовой структуры и карательный патернализм на нижнем ее уровне» (Wasquant, 2012: 66–79).

Иначе говоря, речь идет о порядке господства, в котором имеет место реформативное государственных структур с целью радикальной трансформации способов регулирования общества. Исследование этих процессов не входит в повестку дня культурсоциологии и теории неолиберализма по причине того, что они «вписаны» в идеологические и академические структуры данного порядка. Отсюда проистекают два варианта отношения к понимающей социологии Макса Вебера: первый игнорирует ее в качестве научной дисциплины, второй возвращается к ней, что предполагает ограниченное признание теории господства.

Мы рассматриваем методологию и содержание теоретического наследия Вебера, следуя его собственному подходу. Макс Вебер предъявлял своим научным оппонентам требование быть до конца последовательными в отношении сформулированных ими самими теорий: в своем часто цитируемом докладе «Политика как призвание и профессия» он прибегает к метафоре о том, что «причинность в науке — это не экипаж, который можно остановить в любой момент, чтобы войти и выйти по своему усмотрению» (MWG, 1992: 234)⁷. Мы полагаем, что разумно будет рассматривать наследие самого Вебера в свете этого требования, тем более что мы в известном смысле находимся в потенциально «привилегированном» положении: 100 лет — вполне достаточный срок для верификации любых социологических теорий.

7. См. также существующий русский перевод: Вебер, 1990: 695.

Литература

- Александр Дж., Смит Ф.* (2010). Сильная программа в культурсоциологии / Пер. с англ. С. Джакуповой // Социологическое обозрение. Т. 9. № 2. С. 11–30.
- Вебер М.* (1990). Избранные произведения / Сост. и общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс.
- Вебер М.* (2003). Политические работы. М.: Праксис.
- Вебер М.* (2016). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1: Социология / Пер с нем. под ред. Л. Г. Ионина. М.: ВШЭ, 2016.
- Вебер М.* (2019). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 4: Господство / Пер с нем. под ред. Л. Г. Ионина. М.: ВШЭ, 2019.
- Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н.* (2019). История и рациональность: социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: URSS.
- Давыдов Ю. Н.* (1998). Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис.
- Дарендорф Р.* (2002). Тропы из утопии: работы по теории и истории социологии. М.: Праксис.
- Катаев Д. В.* (2015а). Категории «смысла» и «понимания» как интеграция обыденного и теоретического знания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 1. С. 162–169.
- Катаев Д. В.* (2015б). Системно-теоретический анализ методологического индивидуализма Макса Вебера. М.: ИНФРА-М.
- Катаев Д. В.* (2016). Социологическая рефлексия синтетической методологии веберизма. Дисс. ... д-ра соц. наук. Липецк.
- Козловский В. В., Шпакова Р. П., Эттрих Ф.* (2004). Актуальность социологии Макса Вебера // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 7. № 2. С. 5–7.
- Комаровский А. В.* (2012). Культурсоциология Макса Вебера // Социологический альманах. № 3. С. 379–407.
- Комаровский А. В.* (2015). Расколдовывание Макса Вебера: критика и политика в рецепции веберовского наследия в немецком неовеберизме // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 18. № 2. С. 5–18.
- Мизес Л.* (2006). Бюрократия. Челябинск: Социум.
- Мизес Л.* (2016). Социализм: экономический и социологический анализ. Челябинск: Социум.
- Ожиганов Э. Н.* (2020). Макс Вебер: инвариантность господства. М.: ИНФРА-М.
- Рахманов А. Б.* (2012). Социальная философия Макса Вебера: метаморфозы и кризисы. М.: КРАСАНД.
- Тенбрук Ф.* (2013). Репрезентативная культура // Социологическое обозрение. Т. 12. № 3. С. 93–120.
- Селеньи И.* (2015). Тройной кризис американской социологии // Глобальный диалог. Т. 5. № 2. С. 5–8.

- Тернер Д. (2002). Аналитическое теоретизирование // Теоретическая социология: Антология. Ч. 2 / Общ. ред. С. П. Баньковской. М.: Университет. С. 194–244.
- Трёлъч Э. (1994). Историзм и его проблемы: логическая проблема философии истории. М.: Юрист.
- Шарииков Д. Д. (2019). Новая социология культуры: от «ящиков с инструментами» к когнитивным процессам // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 22. № 3. С. 179–210.
- Шлюхтер В. (2004). Действие, порядок и культура: основные черты веберовской исследовательской программы / Пер. с нем. В. В. Козловского, К. Г. Тимофеевой, А. В. Тавровского // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 8. № 2. С. 22–50.
- Alexander J., Smith P. (2006). The Strong Program in Cultural Theory: Elements of a Structural Hermeneutics // Turner J. H. (ed.). Handbook of Sociological Theory. N.Y.: Springer.
- Alexander J. (1983). Theoretical Logic in Sociology. Berkeley: University of California.
- Anter A. (2004). Die Macht der Ordnung: Aspekte einer Grundkategorie des Politischen. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Beetham D. (1999). Max Weber and The Liberal Political Tradition // European Journal of Sociology Vol. 30. № 2. P. 311–323.
- Biebricher T. (2018). The Political Theory of Neoliberalism. Stanford: Stanford University Press.
- Brenner N., Theodore N. (2002). Cities and the Geographies of «Actually Existing Neoliberalism» // Antipode. Vol. 34. № 3. P. 349–379.
- Breuer S. (2011). «Herrschaft» in der Soziologie Max Webers. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Cahill D. (2014). The End of Laissez-Faire?: On the Durability of Embedded Neoliberalism. Cheltenham: Edward Elgar.
- Derman J. (2012). Max Weber in Politics and Social Thought: From Charisma to Canonization. N.Y.: Cambridge University Press.
- Hennis W. (1983). Max Weber's «Central Question» // Economy and Society. Vol. 12. № 2. P. 135–180.
- Hintze O. (1926). Max Webers Soziologie // Hintze O. Soziologie und Geschichte: Gesamelte Abhandlungen zur Soziologie, Politik und Theorie der Geschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. P. 135–147.
- Hayek F. (1998). Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy. Vol. 2. L.: Routledge.
- Inglis D. (2016). Max Weber's Presences: On the Cultural Sociology of the Long-Term // Inglis D., Almila A.-M. (eds.). The SAGE Handbook of Cultural Sociology. L.: SAGE. P. 26–47.
- Kaesler D. (2019). Es ist (fast) vollbracht: Endlich erscheinen Max Webers frühe Texte über Logik und Methodik der Sozialwissenschaften in der Gesamtausgabe — in Konkurrenz mit der Marx-Engels-Gesamtausgabe vor und nach dem Wendejahr 1989?

- URL: https://literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=26096 (дата доступа: 01.02.2020).
- Kuckartz U.* (1991). Ideal Types or Empirical Types: The Case of Max Weber's Empirical Research // *Bulletin de Methodologie Sociologique*. № 32. P. 44–53.
- Kurasawa F.* (2004). Alexander and the Cultural Refounding of American Sociology // *Thesis Eleven*. Vol. 79. № 1. P. 53–64.
- Mirowski P., Plehwe D.* (eds.). *The Road from Mont Pèlerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Cambridge: Harvard University Press.
- Mises L.* (1944). *Bureaucracy*. New Haven: Yale University Press.
- Mises L.* (1962). *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*. New Haven: Yale University Press.
- Mises L.* (2003). *Epistemological Problems of Economics*. Auburn: Ludwig von Mises Institute.
- Orihara H.* (2008). Max Weber's «Four-Stage Rationalization-Scale of Social Action and Order» in the «Categories» and its Significance to the «Old Manuscript» of his «Economy and Society»: A Positive Critique of Wolfgang Schluchter // *Max Weber Studies*. Vol. 8. № 2. P. 141–162.
- Schluchter W.* (1979). *Die Entwicklung des okzidentalen Rationalismus: Eine Analyse von Max Webers Gesellschaftsgeschichte*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Swedberg R.* (2018). How to Use Max Weber's Ideal Type in Sociological Analysis // *Journal of Classical Sociology*, Vol. 18. № 3. P. 181–196.
- Swedberg R.* (2007). Max Weber's Interpretive Economic Sociology // *American Behavioral Scientist*. Vol. 50. № 8. P. 1035–1055.
- Szelenyi I.* (2016). Weber's Theory of Domination and Post-communist Capitalisms // *Theory and Society*. Vol. 45. № 1. P. 1–24.
- Wacquant L.* (2012). Three Steps to a Historical Anthropology of Actually Existing Neoliberalism // *Social Anthropology / Anthropologie Sociale*. Vol. 20. № 1. P. 66–79.
- Weber M.* (1913). Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie // *Logos: Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur*. Jg. 3. Heft 3. S. 253–294.
- Weber M.* (1921). *Parlament und Regierung im neugeordneten Deutschland* // *Weber M. Gesammelte Politische Schriften*. München: Drei Masken Verlag. S. 306–443.
- Weber M.* (1922). *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: J.C.B Mohr (Paul Siebeck).
- Weber M.* (1992). *Wissenschaft als Beruf 1917/1919 — Politik als Beruf 1919*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).
- Weber M.* (2001). *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Weiß J.* (2014). Verstehende Soziologie und Werturteilsfreiheit (1908–1920) // *Müller H.-P., Sigmund S.* (Hrsg.). *Max Weber-Handbuch: Leben — Werk — Wirkung*. Stuttgart: J. B. Metzler. P. 281–288.
- Winckelmann J.* (Hrsg.). (1975). *Soziologie, Weltgeschichtliche Analysen, Politik*. Stuttgart: Alfred Kroiner Verlag.

The Controversy of Weber: Cultural Sociology, Neoliberalism and Theory of Domination

Edward Ozhiganov

Doctor of Philosophical Sciences, Leading Research Fellow, Center for Industry Management, Peoples' Friendship University of Russia

Address: Miklukho-Maklai str., 6, Moscow, Russian Federation 117198

Email: imitation2025@gmail.com

The article analyzes the most significant properties of the dispute about Weber caused by attempts to "reconstruct" Weberian heritage in cultural-anthropological and liberal "paradigms". It appears that Weber's theory of domination causes an implicit tension, which calls the canonization of Weber as a "classic" of institutionalized sociology into question. The cultural-anthropological "reconstruction" of Weber's heritage is characterized by meta-theorizing on the basis of conceptual universalialia, which fundamentally contradicts the main provisions of Weber's understanding (interpretative) sociology in both the substantive and methodological aspects. The "paradigm" of the neoliberal utopia split into two camps: the former ignores Weber's understanding of sociology as a scientific discipline, while the latter, is characterized by attempts to "distill" his legacy for the needs of the so-called new economic sociology.

Keywords: Max Weber, the law of invariance of domination, Weber studies, neoliberalism, cultural anthropology, utopia, Russian threat, democratization

References

- Alexander J. (1983) *Theoretical Logic in Sociology*, Berkeley: University of California Press.
- Alexander J., Smith Ph. (2006) The Strong Program in Cultural Theory: Elements of a Structural Hermeneutics. *Handbook of Sociological Theory* (ed. J. H. Turner), New York: Springer.
- Alexander J., Smith Ph. (2010) Sil'yaya programma v kultursotciologii [The Strong Program in Cultural Sociology]. *Russian Sociological Review*, vol. 9, no 2, pp. 11–30.
- Anter A. (2004) *Die Macht der Ordnung: Aspekte einer Grundkategorie des Politischen*, Tübingen: Mohr Siebeckg.
- Beetham D. (1999) Max Weber and The Liberal Political Tradition. *European Journal of Sociology*, vol. 30, no 2, pp. 311–323.
- Biebricher T. (2018) *The Political Theory of Neoliberalism*, Stanford: Stanford University Press.
- Brenner N., Theodore N. (2002) Cities and the Geographies of "Actually Existing Neoliberalism". *Antipode*, vol. 34, no 3, pp. 349–379.
- Breuer S. (2011) *"Herrschaft" in der Soziologie Max Webers*, Wiesbaden: Harrassowitz.
- Cahill D. (2014) *The End of Laissez-Faire? On the Durability of Embedded Neoliberalism*, Cheltenham: Edward Elgar.
- Davydov Y. (1998) *Maks Veber i sovremennaja teoreticheskaja sociologija: aktual'nye problemy veberovskogo sociologicheskogo uchenija* [Max Weber and Contemporary Theoretical Sociology: Relevant Problems of Weberian Sociological Doctrine], Moscow: Martis.
- Derman J. (2012) *Max Weber in Politics and Social Thought: From Charisma to Canonization*, New York: Cambridge University Press.
- Gaydenko P., Davydov Y. (2019) *Istoriya i ratsional'nost': sotsiologiya Maksa Vebera i veberovskiy renessans* [History and Tationality: Max Weber's Sociology and Weberian Renaissance], Moscow: URSS.
- Dahrendorf R. (2002) *Tropy iz utopii: raboty po teorii i istorii sotsiologii* [Out of Utopia: Writings on Theory and History of Sociology], Moscow: Praxis.
- Hennis W. (1983) Max Weber's "Central Question". *Economy and Society*, vol. 12, no 2, pp. 135–180.
- Hintze O. (1926) *Max Webers Soziologie. Soziologie und Geschichte: Gesammelte Abhandlungen zur Soziologie, Politik und Theorie der Geschichte*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, pp. 135–147.

- Hayek F. (1998) *Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy*, Vol. 2, London: Routledge.
- Inglis D. (2016) Max Weber's Presences: On the Cultural Sociology of the Long-Term. *The SAGE Handbook of Cultural Sociology* (eds. D. Inglis, A.-M. Almila), London: SAGE, pp. 26–47.
- Kaesler D. (2019) Es ist (fast) vollbracht: Endlich erscheinen Max Webers frühe Texte über Logik und Methodik der Sozialwissenschaften in der Gesamtausgabe — in Konkurrenz mit der Marx-Engels-Gesamtausgabe vor und nach dem Wendejahr 1989? Available at: https://literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=26096 (accessed 01.02.2020).
- Kataev D. (2015) Kategorii "smysla" i "ponimaniya" kak integraciya obyden'nogo i teoreticheskogo znaniya [Categories of "Meaning" and "Understanding" as integration of everyday and theoretical knowledge]. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, no 1, pp. 162–169.
- Kataev D. (2015) *Sistemno-teoreticheskij analiz metodologicheskogo individualizma Maksa Vebera* [System-Theoretical Analysis of the Methodological Individualism of Max Weber], Moscow: INFRA-M.
- Katayev D. (2016) *Sotsiologicheskaya refleksiya sinteticheskij metodologii veberianstva. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni doktora sotsiologicheskikh nauk* [A Sociological Reflection of Synthetic Methodology of Weberianism] (Doctor of Sociological Sciences Thesis), Lipetsk.
- Komarovsky A. (2012) Kul'tursociologiya Maksa Vebera [Cultural Sociology of Max Weber]. *Sociological Almanac*, no 3, pp. 37–407.
- Komarovsky A. (2015) Raskoldovyvanie Maksa Vebera: kritika i politika v recepcii veberovskogo nasledija v nemeckom neoveberianstve [Max Weber's Disenchantment: Criticism and Politics in the Reception of Weberian Heritage in German Neo-Weberianism]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 18, no 2, pp. 5–18.
- Kozlovsky V., Shpakova R., Ettrikh F. (2004) Aktual'nost' sotsiologii Maksa Vebera [The Relevance of Max Weber's Sociology]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 7, no 2, pp. 5–7.
- Kuckartz U. (1991) Ideal Types or Empirical Types: The Case of Max Webers Empirical Research. *Bulletin de Methodologie Sociologique*, no 31, pp. 44–53.
- Kurasawa F. (2004) Alexander and the Cultural Refounding of American Sociology. *Thesis Eleven*, vol. 79, no 1, pp. 53–64.
- Mirowski P., Plehwe D (eds.) (2009) *The Road from Mont Pèlerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*, Cambridge: Harvard University Press.
- Mises L. (1944) *Bureaucracy*, New Haven: Yale University Press.
- Mises L. (1962) *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*, New Haven: Yale University Press.
- Mises L. (2003) *Epistemological Problems of Economics*, Auburn: Ludwig von Mises Institute.
- Mises L. (2006) *Byurokratiya* [Bureaucracy], Cheliabinsk: Socium
- Mises L. (2016) *Socializm: ehkonomicheskij i sociologicheskij analiz* [Socialism: An Economic and Sociological Analysis], Cheliabinsk: Socium.
- Orihara H. (2008) Max Weber's "Four-Stage Rationalization-Scale of Social Action and Order" in the "Categories" and its Significance to the "Old Manuscript" of his "Economy and Society": A Positive Critique of Wolfgang Schluchter. *Max Weber Studies*, vol. 8, no 2, pp. 141–162.
- Ozhiganov E. (2020) *Maks Veber: invariantnost' gospodstva* [Max Weber: Invariance of Domination], Moscow: INFRA-M.
- Rakhmanov A. (2012) *Sotsial'naya filosofiya Maksa Vebera: metamorfozy i krizisy* [The Social Philosophy of Max Weber: Metamorphoses and Crises], Moscow: KRASAND.
- Schluchter W. (1979) *Die Entwicklung des okzidentalen Rationalismus: Eine Analyse von Max Webers Gesellschaftsgeschichte*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Schluchter W. (2004) Deystviye, poryadok i kul'tura: osnovnyye cherty veberianskoy issledovatel'skoy programmy [Action, Order, Culture: the Main Features of Weberian Research Program]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 7, no 2, pp. 22–50.
- Swedberg R. (2007) Max Weber's Interpretive Economic Sociology. *American Behavioral Scientist*, vol. 50, no 8, pp. 1035–1055.
- Szelenyi I. (2015) Troynoy krizis amerikanskoy sotsiologii [The Triple Crisis of American Sociology]. *Global Dialogue*, vol. 5, no 2, pp. 5–8.

- Szelenyi I. (2016) Weber's Theory of Domination and Post-communist Capitalisms. *Theory and Society*, vol. 45, no 1, pp. 1–24.
- Terner D. (2002) Analiticheskoye teoretizirovaniye [Analytical Theorizing]. *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya. Ch. 2* [Theoretical Sociology: A Reader, Part 2] (ed. S. Bankovskaya), Moscow: University, pp. 194–244.
- Troeltsch E. (1994) *Istorizm i yego problemy. Logicheskaya problema filosofii istorii* [Historicism and its Problems: The Logical Problem of Philosophy of History], Moscow: Yurist.
- Wacquant L. (2012) Three Steps to a Historical Anthropology of Actually Existing Neoliberalism. *Social Anthropology / Anthropologie Sociale*, vol. 20, no 1, pp. 66–79.
- Weber M. (1913) Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie. *Logos: Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur*, vol. 4, no 3, pp. 253–294.
- Weber M. (1922) *Wirtschaft und Gesellschaft*, Tübingen: J.C.B Mohr (Paul Siebeck).
- Weber M. (1990) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow: Progress.
- Weber M. (1992) *Wissenschaft als Beruf 1917/1919 — Politik als Beruf 1919*, Tübingen: J. C.B. Mohr (Paul Siebeck).
- Weber M. (2001) *Wirtschaft und Gesellschaft*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Weber M. (2003) *Poloticheskie raboty* [Political Works], Moscow: Praxis.
- Weiß J. (2014) Verstehende Soziologie und Werturteilsfreiheit (1908–1920). *Max Weber-Handbuch: Leben — Werk — Wirkung* (eds. H.-P. Müller, S. Sigmund), Stuttgart: J. B. Metzler.
- Winckelmann I. (ed.) (1975) *Soziologie, Weltgeschichtliche Analysen, Politik*, Stuttgart: Alfred Kroiner Verlag.